

ные в 30—40-е годы XX в., сейчас уже не существуют.

Экспедиция Г. Тата также работала на севере Сирии, где исследовала ряд строений ранневизантийского времени, преимущественно рынки и постоянные дворы IV—VI вв. В результате был собран большой материал для типологических сопоставлений принципов строительства крупных общественных зданий по сравнению с военными и культовыми сооружениями. Экспедиция другого французского археолога Ф. Вилланева исследовала позднеримские и ранневизантийские древности трех деревень в Средней Сирии (район Хаурана). Здесь выявлены остатки языческих и христианских храмов, жилых домов, бань, найдено несколько эпиграфических памятников.

Две миссии Центра работали в 1982 г. в Израиле. Они возглавлялись местными специалистами Л. Левиним и Й. Цаффриром. Первая из них поставила задачу подготовить ономастикон географической номенклатуры греко-римской Палестины по еврейским и арамейским источникам. Руководитель проекта сообщает, что в настоящее время полностью подобрана лексика, соответствующая первым пяти буквам еврейского алфавита. Вторая группа ученых во главе с Й. Цаффриром работает над составлением аннотированной карты византийских древностей на территории Израиля. Но, судя по отчету руководителя, этот интересный замысел еще далек от реализации.

Таков краткий обзор итогов научных экспедиций, осуществленных Центром по исторической географии в 1981—

1982 гг. Исключительная научная активность специалистов Центра не может не вызывать уважения коллег. Безусловно, положительным является тот факт, что руководство Центра широко трактует понятие «историческая география», и, как мы видели, под его эгидой ведутся исследования самого разнообразного содержания: топографические, топонимические, геоморфологические, картографические, археологические, искусствоведческие, эпиграфические, нумизматические, наконец архивные.

Сборники отчетов научных миссий, организуемых Центром, имеют исключительное значение для оперативного ознакомления ученой общественности с результатами их деятельности. К сожалению, качество воспроизведения многочисленных фотографических иллюстраций, прилагаемых к тексту, настолько низко, что во многих случаях ими совершенно невозможно пользоваться. Хотелось бы, чтобы руководство Центра нашло способ, пусть даже за счет некоторого удорожания издания, публиковать в сборниках отчетов своих миссий более качественные фотографии.

В целом же следует сказать, что рецензируемые сборники дают в руки византистов ценный и свежий исследовательский материал «из первых рук» и адекватно отражают одну из наиболее важных сторон научной деятельности «Центра по исторической географии византийского мира» при Международной ассоциации византистов. Обе книги заслуживают самой высокой оценки.

О. Р. Бородин

Д. Ангелов. Българско средновековие — идеологична мисъл и просвета. София: Народна просвета, 1982. 168 с.

Исследования Д. Ангелова неизменно вызывают большой интерес советских византистов и славистов, получая при этом весьма высокую оценку¹. Несомненно, привлекает внимание и новая его книга, представляющая собою сборник статей, вышедших в свет преимущественно в 60—70-е годы и объединенных темой, которая указана в заглавии работы. Несмотря на то, что изучение отдельных сюжетов проделано автором на различных уровнях — конкретно-историческом, филологическом и даже в какой-то степени философском, включенные в книгу девять статей удачно гармонируют между собой, дополняя друг друга по отдельным вопросам. Представляется целесообразным более подробно осветить содержание этих работ, тем более что сами по себе статьи редко подвергаются рецензированию.

Первая статья Д. Ангелова «Кирилл и Мефодий и византийская культура и политика» (с. 7—29) посвящена формам влияния Византии на культуру славян. Говоря о солунских братьях, автор отмечает, что они были воспитаны в атмосфере взаимодействия церковного и светского направлений развития ви-

зантийской культуры, однако не усвоили присущего ей пренебрежительного отношения к славянскому миру и языку, что позже сказалось в ходе моравской миссии просветителей. По мнению исследователя, политика империи по отношению к славянам была твердо дифференцирована и не может быть подведена под единый знаменатель. Славянство, жившее на территории империи, правительство стремилось полностью подчинить и ассимилировать. Славянскую Великоморавскую державу Византия хотела иметь своим союзником и старалась развивать с ней экономические и политические контакты, конкретным выражением которых стала миссия Кирилла и Мефодия. Политика в отношении Болгарии была не столь благосклонна, как к Великой Моравии, но и не так груба, как в отношении славян в Византии. Исходя из названных различий, автор выделяет три типа политики Византии по отношению к славянству. Конкретные формы влияния империи на развитие славянской культуры зависели от того или иного направления политики.

Далее, рассмотрев борьбу вокруг

¹ Горина Л. В. История Византии и средневековой Болгарии в исследованиях Д. Ангелова. — ВВ, 1979, 40, с. 37—48.

«триязычной догмы» — вопроса о совершении литургии на одном из трех языков — греческом, латинском или еврейском, а также деятельность Кирилла и Мефодия и ученика их Климента, Д. Ангелов показывает, как «закономерный ход общественно-экономического развития привел к необходимости к победе самостоятельной болгарской письменности и культуры и к отражению попыток византийцев помешать этому процессу» (с. 29).

Хронологически и логически связана с первой статьей следующая работа — «Болгарская народность и деятельность Климента Охридского» (с. 30—50). Первая часть ее посвящена изучению нескольких важнейших процессов, происходивших в болгарских землях с конца VII до конца IX в. Среди них автор выделяет политическое объединение славян и ликвидацию племенной раздробленности, слияние материальной культуры фракийцев, славян, протоболгар, христианизацию и языковое развитие. Создание единой народности на территории болгарской державы к концу IX в. характеризовалось одновременно весьма интересным развитием терминологии. Исследователь подробно останавливается на эволюции понятий «славяне», «славянский», а также «болгары», «болгарский», показывая, как одновременное их употребление в средневековых памятниках по мере укрепления болгарской народности сменяется преобладанием этнонима «болгары»².

Рассматриваемые этнополитические процессы сопровождалась созданием собственной культуры болгар, в начальный период развития которой значительную роль сыграл Климент Охридский. Д. Ангелов выделяет две задачи, стоявшие перед славянским просветителем: во-первых, укрепление христианской веры; во-вторых, обучение населения письму по азбуке Кирилла и Мефодия, в которую он, возможно, внес некоторые изменения. Результатом деятельности Климента и его сподвижников стало появление в Болгарии слоя образованных людей. Д. Ангелов приходит к выводу, что основная роль Климента Охридского состоит в том, что он создал основы староболгарской письменности и просвещения и своими трудами содействовал развитию и победе староболгарского языка как языка литературного и официального в болгарской державе, что имело решающее значение для развития и оформления болгарской народности.

Третья статья — «Содержание и смысл слов „язык“, „род“, „племя“ и „народ“ в средневековой болгарской литературе» (с. 51—76) — преследует две цели: изучение посредством выяснения смыслового содержания этих слов определенных сторон мышления средневековых людей, а также изучение понятия о народной общности в средневеко-

вой болгарской литературе. Автор полагает, что слово «язык» употреблялось в двух значениях — „народ“ и „язык“, что свидетельствует о тесной связи обоих понятий. Язык понимался как основной признак народа, его ярчайшая специфика. Это понятие могло конкретизироваться в территориальном или религиозном плане, когда необходимо было противопоставить христиан язычникам.

Слово «род» имело более широкий семантический диапазон и в зависимости от контекста могло соответствовать понятиям «вид», «народ», «язык». От последнего оно отличалось тем, что на первый план в нем выступали черты кровнородственной близости, общего происхождения и общего прошлого людей. Слово «народ» в отдельных случаях выступало как синоним слов «язык», «род», «племя», но могло иметь и значение «люди» или «группа людей», а вместе с территориальным определителем могло обозначать население какой-либо местности или страны.

Все рассмотренные слова занимают важное место в словесном фонде средневековой болгарской литературы, в которой, по мнению автора, ясно отразилось представление о «народе» и «народной общности», как о сложных понятиях, трудно поддающихся определению через одно какое-то слово.

В статье «Содержание и смысл слова „отечество“ в средневековой болгарской литературе» (с. 77—98) решаются две задачи. Во-первых, автор попытался определить различные значения слова «отечество» и уточнить некоторые малоизученные нюансы его семантического состава. Во-вторых, он установил, когда и при каких обстоятельствах наряду с другими значениями слово «отечество» стало употребляться в смысле «родина». Д. Ангелов связывает конкретные оттенки употребления изучаемого слова с определенными этапами общественно-экономического развития славянского мира. Так, например, по его мнению, отождествление «родного места» с «отечеством» характерно для периода родовых отношений и племенной раздробленности, когда господствовал узкий региональный кругозор, а сознание этнической и политической близости в широком территориальном масштабе было еще слабым. С развитием общества наблюдаются изменения в семантическом содержании слова «отечество», которое начинает употребляться в смысле «родная земля», «родина», приближаясь к тому значению, которое слово имеет в современном болгарском языке. Интересно наблюдение автора над религиозным оттенком этого слова: в отдельных случаях оно могло обозначать рай или царство небесное (в «Похвале Кириллу Философу» Климента Охридского).

² Новейшую точку зрения по этому вопросу см.: *Литаевин Г. Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.). — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 49—82.

В статье «К вопросу о сущности и роли религии» (с. 99—115) Д. Ангелов исследовал конкретно-исторический аспект затронутой проблемы и выступил против упрощенческого и шаблонного подхода к изучению религии. По его мнению, комплексный характер религий требует их всестороннего рассмотрения как совокупности философско-религиозных, социальных, этических, правовых и практично-жизнейских взглядов и идей, в которых к тому же отражаются противоположные позиции общественных классов. Отметив множество противоречий, свойственных христианству, а также то, что оно последовательно выступало как религия господствующих классов, автор указывает на то, что в отдельных случаях христианство могло стать идеологией угнетенных. Примером тому может служить богомилское учение, которое Д. Ангелов называет «новым изданием» христианства в его первоначальном виде. Кроме того, важную роль, по мнению исследователя, сыграло христианство в Болгарии в период османского владычества, способствуя сохранению самобытности болгар.

Затронутую предыдущей статьей тему продолжает работа «Иван Рильский и его „Завет“» (с. 116—126), в которой автор пытается реконструировать образ «совершенного человека», бытовавший в христианстве X в. Господствующие монашеско-аскетические взгляды требовали от совершенного христианина отказа от материальных благ, отречения от собственной воли, смирения и послушания, что и отразилось в сочинении Ивана Рильского. Идеальный образ имел глубочайшие расхождения с реальностью, и число людей, хотя бы в небольшой степени соответствовавших ему, было незначительно. Автор отмечает, что выдающаяся роль Рильского монастыря в литературной, культурной и идеологической жизни Второго Болгарского царства определила тот факт, что на личность одного из подвижников обители — Ивана Рильского — современники и последующие поколения стали переносить черты созданного им же образа идеального христианина.

Статья «Этические и социальные взгляды богомилов» (с. 127—141) является развитием отдельных положений автора, высказанных в его известной монографии³. Этика богомилов была всецело связана с их основными религиозно-философскими взглядами, основанными на дуалистическом мировоззрении, и поэтому она во многом расходилась с традиционными христианскими установлениями. Д. Ангелов отмечает, что в богомилских религиозных братствах имела место своеобразная реабилитация женщин, поскольку утверждалось равенство обоих полов. Человек находился в центре внимания

богомилских проповедников, и традиционное отношение «человек — бог», как первостепенное в религиозно-философской доктрине православия, было отеснено на задний план отношением «человек — человек». Классовый характер социальных воззрений богомилов проявился в их отношении к частной собственности, к вопросу о власти и подчинении и во многих других моментах⁴.

В статье «Гуманизм в средневековой Болгарии» (с. 142—166) автор пытается определить, в какой степени можно говорить о проявлениях гуманизма в болгарском обществе IX—XIV вв. и что характерно для средневекового болгарского гуманизма как специфического явления, развивающегося в условиях конкретной социально-экономической и политической действительности, для которой, к примеру в XIV в., было характерно господство феодального строя, политическая децентрализация, отсутствие сильного городского сословия. Хотя автор и отмечает, что гуманизм представляет собой соединение мировоззренческих, этических, социальных и художественно-литературных взглядов, он все же выделяет в гуманизме прежде всего антропоцентризм, признание за человеком особой ценности и постановку его в центр внимания. Именно поэтому, находя гуманистические черты в трудах христианских авторов — Иоанна Экзарха, Климента Охридского — и считая, что религиозный гуманизм имел минимальное приложение в жизни, Д. Ангелов главный упор делает на элементы гуманизма, содержащиеся в учении богомилов. Он склонен считать богомилские взгляды «истинным бунтом свободно мыслящей личности» (с. 158) и отмечает, что их этика имеет подчеркнутую гуманистическое содержание. Идеология богомилов, по мнению исследователя, проникая в европейские страны, при определенной модификации и приспособлении к местным условиям способствовала развитию идеологической мысли по пути ее гуманизации. Данное положение выглядело бы более убедительно, если бы автор определил соотношение и истолковал сочетание действительно гуманистических элементов богомилского учения с теми хорошо известными и популярными в богомилской религиозной и повседневной практике чертами, которые к гуманистическим отнести никак нельзя. Кроме того, к сожалению, весьма бегло в работе освещен вопрос о роли античного наследия, неоплатонизма в частности, в становлении гуманизма в Болгарии, хотя именно он, очевидно, и должен был стать центральным.

Рассмотренные работы Д. Ангелова представляют значительный интерес для широкой читательской аудитории. Те-

³ Ангелов Д. Богомилство в България. София, 1969.

⁴ О новых аспектах этой темы см.: Литаерин Г. Г. О социальных воззрениях богомилов. Некоторые итоги изучения начального периода истории ереси.— В кн.: Богомилство на Балканот во светлината на најновите истражувања. Скопје, 1982, с. 31—39.

матика представленных статей не утратила актуальности, а сделанные исследователем выводы сохраняют в целом свое значение. К недостаткам публикации следует отнести то, что при переиздании статей не указывается, где прежде был напечатан тот или иной труд, тем

более что некоторые из них уже неоднократно выходили в свет. Примером в этом плане могла бы послужить практика издательства «Variorum Reprints».

Н. Д. Барабанов

Тотю Тотев. Преславско златно съкровище. София, 1983, 102 с., 42 табл.

11 апреля 1978 г. недалеко от бывшей столицы Первого Болгарского царства Преславы, в местечке Кастана, в 3—4 км к северо-западу от дворцового комплекса царя Симеона при сельскохозяйственных работах был обнаружен исключительный по своей ценности клад. В его составе было более ста предметов из драгоценных металлов: диадема, ожерелье, разнообразные серьги и подвески, перстни, аппликации на одежду; их украшали филигрань, зернь, перегородчатая эмаль, жемчуг, горный хрусталь, изумруды и аметисты. Книга Т. Тотева «Преславско златно съкровище» как раз посвящена атрибуции этих замечательных находок, до того известных лишь по кратким упоминаниям в журнальных статьях и каталогах¹.

Район обнаружения клада был известен археологам и ранее: здесь находилось раскопанное Й. Господиновым доисторические селище Мертвица, в Кастане были найдены образцы римской керамики II—V вв. и бронзовая монета Александра Севера (222—235), на террасах предгорий Балканской гряды располагались древние каменоломни, снабжавшие строительным материалом форпост Преславы — крепость Белград, на берегу реки Дервишка, притоке Камчии, существовало праболгарское поселение. Во многих местах этого региона при раскопках и земляных работах обнаруживаются следы пожара, возникшего, как полагает Т. Тотев, в 971 г. при взятии Преславы Иоанном Цимисхием. Тогда же, вероятно, и был зарыт клад. Наличие в его составе значительного количества серебряных монет Константина Багрянородного и Романа II (945—959) давали основание считать верхушкой датой комплекса X в. При дальнейшем исследовании места обнаружения были найдены также и различные предметы из серебра и бронзы (они не включены в каталог и не воспроизведены на таблицах): серебряные ложки и части чаши, бронзовые кресты — один в форме квадрифолия, другой — энколпион с рельефным изображением Богоматери Оранты, бронзовый перстень с розеткой на щитке, амулет преславского типа с изображением птицы. Предварительное описание этих находок подтверждает предложенную для комплекса

золотых вещей дату — Т. Тотев вполне обоснованно отнес их к IX—X вв.

Давая подробный художественный и технологический анализ публикуемым ювелирным изделиям, автор делит их на две группы: произведения ювелирного искусства Византии и предметы, вышедшие из придворных мастерских болгарской столицы. Среди последних есть как явно византинизирующие (ожерелье с подвесками — табл. 6—14), так и ориентирующиеся на ближневосточные образцы (золотая застежка с растительным орнаментом — табл. 30 и серебряная гривна — табл. 39). В обоих случаях речь идет об уникальных находках. Золотая с перегородчатой эмалью диадема (табл. 1—5) с изображением Вознесения Александра Македонского на грифонах в окружении крылатых львов и орлиноголовые существ, так же как и различные виды серег (с навлином — табл. 15, с пальметовидным крестом — табл. 16—17, с многолепестковыми розетками — табл. 18), принадлежат к совершенным образцам византийских перегородчатых эмалей X в. Как предполагает Т. Тотев, диадема является дипломатическим подарком из разряда тех, которые византийские императоры подносили иноземным правителям.

Любопытно отметить тот факт, что болгарские украшения были выполнены, по крайней мере, на полвека раньше византийских. Т. Тотев, привлекая в качестве аналогий различные образцы болгарского прикладного искусства, прежде всего преславскую расписную керамику, относит их к рубежу IX—X вв. Уникально двустороннее ожерелье с 14 эмалевыми пластинками, 7 из которых вставлены в сплетенную из золотых нитей основу, а остальные декорируют медальоны-подвески. Все изображения (Богоматерь Оранта, птицы, пальметки) выполнены в технике перегородчатой эмали и помещены на эмалевом, а не на золотом фоне, что свидетельствует об их принадлежности к самому раннему периоду эмальерного искусства Византии. До сих пор было известно лишь три экземпляра IX в.²: крест из собрания Думбартон Окс, браслеты, хранящиеся в Археологическом музее Фессалоник, и пластинка из Государственного Исторического му-

¹ *Totev T. Der Schatz von Preslaw. — Bulgaria Heute, 1978, 12, S. 28—29; Tomev T. Преславското съкровище. — Славяне, 1978, август, с. 16—17; Он же. Преславските манастири — средина на художествен живот пред IX—X вв. — Векове, 1980, кн. 5, с. 46—52; Он же. Опыт за реконструкция на диадемата от преславското съкровище. — Музеи и паметници на културата, 1981, кн. 3, с. 33—36; Idem. La Bulgarie médiévale. Art et civilisation. Grand Palais, P., 1980, p. 108, N 156—190.*

² *Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1965, vol. II, p. 136, pl. XCVII, color plate D; Grabar A.*